

АННА ОСИПЧУК,

аспирантка, старший преподаватель кафедры социологии Национального университета “Киево-Могилянская академия”

Теория морфогенеза Маргарет Арчер как попытка синтеза “структура–агентность”

Abstract

The article discusses Margaret Archer’s morphogenesis theory by which she attempts to avoid both structural and agency reductionism, as well as to make a synthesis. From this perspective, the author analyzes the main concepts and tools of Archer’s theory — such as analytical dualism, cultural and structural elaboration, emergence and emergent properties, morphogenesis cycle, etc. — as well as their heuristic potential.

В последние годы можно наблюдать всплеск интереса как американской, так и европейской теоретической социологии к теориям, которые пытаются преодолеть основные дихотомии (макро и микро, объективность и субъективность, индивидуальное и коллективное, структура и агентность и т.п.) путем их синтеза. И если первая из указанных дихотомий, как и попытка ее синтеза, более всего присуща американской социологии, то европейская социология в основном оперирует подобным, но не тождественным различием “структура–агентность”. В статье проанализирован один из подходов к синтезу уровней “структура–агентность”, а именно теория морфогенеза Маргарет Арчер¹.

¹ Маргарет Арчер [Margaret Archer] — современный британский социолог. Интересуется проблемами теоретического синтеза, в частности подходами к взаимодействию и сочетанию структуры и агента, их морфогенезу; исследованиями социальных институтов. Долгое время была главным редактором “Current Sociology”, в 1986–1990 гг. занимала пост президента Международной социологической ассоциации. Основные работы: “Social Origins of Educational System” (1979), “Culture and Agency” (1988, 1996), “Realist Social Theory” (1995), “Being Human: The Problem of Agency” (2000).

Затронутые в данном исследовании вопросы особенно актуальны в контексте развития современной теоретической социологии в Украине, учитывая наличие работ по проблемам синтеза макро- и микроуровней и доступность определенной литературы по этой теме (на украинском и русском языках)¹, чего нельзя сказать о теориях синтеза уровней “структура–агентность”. Предлагаемый обзор представляет интерес еще и потому, что теории структурно-агентного (или структурно-агентностного) синтеза получили широкое применение в прикладных и исторических социологических исследованиях, в частности в исследованиях трансформации таких социальных институтов, как образование, медицина, семья, а также в исследованиях социальной и классовой стратификации современных обществ. Кроме того, актуален собственно теоретический контекст анализа концепций синтеза, в том числе в контексте дискуссий по поводу природы социологии как науки и проблем метатеоретизирования. И наконец, рассматриваемый подход противостоит одновременно и конфликтологическому типу теоретизирования, и эклектическому смешению концепций в рамках одной теории.

В целом теорию морфогенеза Арчер можно охарактеризовать как наиболее развитую и последовательную из всех концепций синтеза “структура–агентность”, базирующихся на принципе дуализма. (То есть речь идет о различии между структурой и агентом, в отличие от их “слияния”, объединения в одно целое, то есть “дуальности”. Примером теорий, базирующихся на последней, может послужить теория структуризации Э.Гидденса и конструктивистский структурализм П.Бурдьё.)

Сразу подчеркнем, что Арчер не ограничивается вопросами синтезирования структуры и агента, она добавляет и третье измерение — культуру. По ее мнению, из-за того, что проблеме структуры и агента отводится центральное место в современной социологической теории, “полностью отходит в тень проблема культуры и агента” [1, с. xi]. Для Арчер эти два вопроса являются “параллельными”, имеют подобные составляющие и поэтому могут решаться одним методом. Мне представляется уместным рассмотреть не только предложенную Арчер концепцию структуры и агента, но и ее концепцию культуры, чтобы последовательно и целостно проанализировать ее теорию.

Принцип аналитического дуализма и его применение в теории М.Арчер

М.Арчер начинает с критики социологии и философии социальных наук на основе принципа аналитического дуализма. По ее убеждению, их общей ошибкой является “слияние”, или “объединение” (conflation) двух уровней анализа, которые требуют аналитического различения. При этом уровни анализа, о которых идет речь, — это либо “структура и агент”, либо “культура и агент”. По мнению Арчер (и с этим, как мне кажется, следует согласиться), нужен поиск их (культуры и агента или структуры и агента) связей, соотношений, а не “поглощение различия между “частями” (организа-

¹ См., например, статью П.Кутуева “Классическая социология и современная социальная теория” (Философская и социологическая мысль. — 1995. — № 1/2. — С. 68–87), а также обзоры В.Танчера в таких изданиях: Социологическая теория сегодня. — К., 1994; Современная американская социология. — М., 1994.

ционными или идеационными) и “людьми”, являющимися носителями позиций или идей в их рамках” [1, с. xiv].

Таким образом, говоря о “структуре” или “культуре” в соотнесении их с “агентом”, следует иметь в виду отношения и связи между двумя аспектами социальной жизни. И как бы тесно они ни переплетались (здесь Арчер, в частности, приводит пример брака одновременно как легальной институции и как повседневной практики), они должны аналитически различаться и быть четко очерчены. Наряду с этим между ними существует постоянное взаимодействие, в котором они формируют друг друга, предшествуют друг другу и являются следствиями друг друга. Итак, согласно Арчер, мы должны воздерживаться от концептуализаций, усложняющих анализ такого взаимодействия.

Именно на этом основана критика Арчер соответствующих социологических (в частности структурных) и культурологических теорий. По ее мнению, все они обходят “части” и “людей” [1, с. xv], совершая “ошибку слияния”, и фундаментально ошибочным является то, что взаимодействие между “частями” и “людьми” не понимается как основание структурной или культурной динамики.

Арчер подчеркивает, что слияние двух уровней анализа всегда происходит в некоем конкретном логическом направлении: нисходящем, восходящем или срединном (*downward, upward and central conflation*). Первые два направления отличаются тем, что, собственно, — “части” или “люди” — определяется как эпифеномен, как производный, зависимый и непринципиальный элемент, а не легитимацией “элизии”¹ как таковой, то есть утраты одного из элементов. Иными словами, при “нисходящем слиянии” эпифеноменом структуры или культурной системы (“частей”) является агент, или социокультурное единство (“люди”), рассматриваемые как “носители” структуры или культурной системы, детерминируемые ими. Для “восходящего слияния” характерна противоположная ситуация: “люди” — агент или социокультурное единство — детерминируют “части” — структуру или культурную систему, то есть последние являются эпифеноменами первых [подр. см.: 1, с. 25–71; 2, с. 203–207].

Подобным образом Арчер критикует методологический индивидуализм и методологический голизм (коллективизм) [подр. см.: 3, с. 33–64], которые можно соотнести с субъективизмом и объективизмом. По ее мнению, оба практикуют “слияние”, сводя к единому фундаментальные различия между структурой и агентом (или культурой и агентом).

Вместе с тем ошибки, связанные со “слиянием”, не зависят только от эпифеноменологизма, или редукции к какому-либо одному уровню анализа. Арчер вводит понятие “срединного слияния” (или “элизионизма”), где элизия происходит на “среднем” уровне. При таком подходе происходит утрата как “частями”, так и “людьми” автономии, относительной независимости, что негативно сказывается на анализе их взаимодействия. Если рассматривать реальность как двустороннюю, будет ошибкой пытаться “уви-

¹ Термин *элизия* (*elision*) заимствован из лингвистики. Чаще всего элизия — это опускание одного или больше звуков (гласного, согласного или слога) для облегчения произношения или усиления выразительности. Одним из синонимов элизии является синкопа, указывающая на выпадение гласного между двумя согласными.

деть обе стороны медали одновременно” [1, с. xiv]. Таким образом, принципиальным для Арчер является понимание того, что соответствующие “части” и “люди” не сосуществуют во времени, то есть определенные структуры, сформированные практиками агентов в прошлом, предшествуют (соответствующим) действиям и практикам агентов в настоящем времени, когда эти практики, в свою очередь, трансформируют структуры будущего.

Арчер критикует элизионизм (на примере теории структуризации Гидденса) за “смешение” разных временных промежутков в одном настоящем времени и попытку одновременно рассмотреть “две стороны медали”, когда структура (“слитая с культурой”) и агент понимаются как дуальность, где структура (правила и ресурсы) существует только в действии, а действие может быть понято только относительно правил как инстанцируемых, то есть данных и реально существующих только в момент их реализации. При таком видении (срединного слияния) утрачивается объективность и отдельность как социальной структуры (или культуры), так и личности [подр. см.: 1, с. 72–96; 3, с. 65–103; 4, с. 461–462]. То есть Арчер подвергает критике концепции структуриации как аналитически недостаточные, поскольку именно понимание структуры и агента (а также культуры) как независимых позволяет адекватно анализировать их взаимодействие между собой и с социальной реальностью.

Соответственно, возникает вопрос, каким образом можно построить теорию, которая бы избежала любого рода “ошибки слияния” и позволяла адекватно анализировать взаимодействие структуры (культуры) и агента. Арчер делает это с помощью *аналитического дуализма*. Именно дуализм является типизирующим для ее теоретизирования и отличает его от, например, теоретизирования Бурдьё или Гидденса, построенного на принципе дуальности, то есть рассмотрения структуры и агентности как двух сторон или характеристик одной сущности.

Понятие аналитического дуализма можно пояснить так. Для Арчер социальная теория (с соответствующей онтологией [3, с. 5]) изучает связи в пределах социальной реальности и должна быть в состоянии схватывать любые такого рода отношения. Именно поэтому необходимо аналитическое различие между агентом и структурой (культурой или системой), что делает возможным обращение к разным формам связей и отношений между ними.

Принципиальным тут является различие между аналитическим и философским дуализмом. В последнем случае речь идет об онтологическом обособлении индивида и общества, тогда как в аналитическом дуализме Арчер — о том, что в реальности не существует абсолютно обособленных сущностей. Так, аналитический дуализм признает невозможность существования каких-либо социальных образований (таких, как институты, структуры и т.п.) без людей, в поведении которых они, в частности, манифестируются. Но именно благодаря неразрывному сосуществованию индивида и общества или агента и структуры (то есть не-дуалистической онтологии) принципиально необходима дуалистическая объяснительная методология. В конечном счете для Арчер агент и структура являются онтологически едиными и аналитически различимыми для установления связей между ними.

Нетрудно заметить, что понятие и объяснение аналитического дуализма М.Арчер заимствованы у Д.Локвуда¹. Так, Локвуд пытается сочетать общий функционализм и теорию конфликта для развития новаторской теории, которая бы аналитически объединяла социальную и системную интеграцию для анализа социального мира. Для Арчер, последовательницы Локвуда, понятия социальной и системной интеграции (“людей” и “частей”, как она говорит) соответствуют понятиям агента и структуры² [подр. см.: 7]. Для анализа взаимодействия культуры и агента Арчер соотносит системную интеграцию с культурной системой, а социальную — с социокультурными единствами, говоря о параллельности подобных различий. То есть социокультурные единства и их взаимодействие определенным образом влияют на трансформации культурной системы (теорий, верований, ценностей и т.п., а также их формулировок), тогда как существующая культурная система обуславливает текущее взаимодействие социокультурных единств. Что касается последнего, то можно заметить, что данное различие никогда не было целью Локвуда, однако Арчер приводит весьма содержательную аргументацию в пользу его применения [подр. см.: 1, с. xvi–xx, 103–109; 9, с. 336–338].

Аналитический дуализм предполагает наличие не только аналитического, но и темпорального различия [7, с. 693], когда можно говорить (онтологически) о предшествовании, причинности и последствиях (результате), то есть наличии процесса взаимо(транс)формирования структуры и агента (“людей” и “частей”) во времени (прошлом, настоящем и будущем).

Здесь нужно снова вернуться к теории Д.Локвуда. Вводимое им различие между системной и социальной интеграцией предполагает понимание реальности как “*стратифицированной на виды (классы), каждый со своими внутренними связями*” [10, с. 73]. При этом системы являются *эмерджентными* (возникающими) последствиями периодов социального взаимодействия между акторами, использующими свою власть (power) для реализации своих выборов. То есть системы — “это те результаты агентности, которые “возникают”, минуя порог, за которым они реализуют свои властные каузальные воздействия (powers), независимо от агентов, которые их произвели” [10, с. 73]. Таким образом, эти образования, произведенные на какой-то момент акторами (действиями), “*пред-обуславливают*” — в том

¹ Девид Локвуд [David Lockwood] — один из ведущих британских социологов. Интересуется проблемами социальной стратификации, разделения труда и социального порядка. Обычно цитируется его концепция различия системной и социальной интеграции. Основные работы: “Social Integration and System Integration” (1964), “Solidarity and Schism: “The Problem of Disorder” in Durkheimian and Marxist Sociology” (1992).

² Заметим, что многие исследователи считают некорректным подобное отождествление. В частности, М.Перкман утверждает: если “в корне теоретической проблемы находятся парадоксальные отношения структуры и агента, различие между социальной и системной интеграцией является скорее теоретическим инструментом” [8, с. 493]. Так, “структуралистское” разрешение проблемы “структура–агент” можно объединить как со взглядами, сфокусированными преимущественно на социальной интеграции (нормативный функционализм), так и с сконцентрированными на системной (структуралистский марксизм). Более того, исходя из оригинального понимания этих понятий у Локвуда, агент может влиять на системную интеграцию так же, как структура на социальную [там же].

смысле, что являются условиями действий акторов в будущем, но не детерминируют их.

Для теории Арчер принципиален каждый из выделенных моментов:

- понимание реальности как стратифицированной;
- концепция “возникновения” (emergence), или “эмерджентности”;
- “пред-обуславливание” (conditioning).

Именно благодаря “эмерджентности” возможна одновременная зависимость структуры/системы от агента/действия и приобретение структурой/системой автономности (автономных свойств). “Пред-обуславливание” позволяет приобретенным автономным свойствам структур в дальнейшем ограничивать действия (практики), или способствовать, но не настолько, чтобы агент не оказывал существенного влияния на результаты действий и практик. Важным аспектом является то, что у систем и структур не существует “желательного для них направления развития” [11, с. 457].

Здесь нужно сосредоточиться на понятии “эмерджентности”. Собственно его определение и понимание Арчер заимствует не у Д.Локвуда, а у Р.Бхаскара¹ [см.: 12, с. 249–253]. Эмерджентность — это “происхождение вещей со степенью каузальной автономности от существующего каузального уровня, от которого они произошли”. То есть: “каузальная автономия делает невозможным редуцирование эмерджентных сущностей к тому, из чего они произошли. Свойства эмерджентных вещей нельзя предусмотреть исходя из свойств низшего уровня” [13, с. 104]. Например, социальные свойства в целом могут быть объяснены только через другие социальные свойства.

Вместе с тем для Арчер эмерджентность не является сугубо структурной характеристикой. Так, она выделяет три типа, или категории, “эмерджентных свойств”, признаком которых является гомогенность — тип и способ связей между компонентами в них является внутренним и закономерно обусловленным и необходимым. (Сразу следует заметить, что эти эмерджентные свойства одновременно являются эмерджентными предпосылками в качестве вовлеченных в циклы морфогенеза.) Каждый из трех типов имеет относительную автономность, не может быть сведен к другому, а также является относительно продолжительным [3, с. 175]. Следовательно, речь идет о: структурных (то есть структуре), культурных (то есть культуре, культурной системе) и агентационных (то есть агенте или агентности) свойствах.

Нужно отметить, что Арчер говорит об эмерджентных свойствах как об “относительных”, “способных вернуться” к тому, из чего они “произошли”, а также имеющих собственную “каузальную силу”, которую нельзя свести к “силе [их] компонентов” [3, с. 9–10]. Эмерджентные свойства являются, собственно, историческими продуктами. Например, как структурные свойст-

¹ Рем Рой Бхаскар [Ram Roy Bhaskar] — современный британский философ, основатель направления критического реализма. Критический реализм предполагает одновременное воздержание от иррационализма и от радикального рационализма на основе диалектики и исторической рефлексии. Сам термин “критический реализм” является намеком на объединение “критического натурализма” и “трансцендентального реализма”. Критический реализм Роя Бхаскара связан с его работами как по философии науки и социальным наукам, так и по истории философии и проблемам социальной эмансипации. Работы Бхаскара повлияли на целый ряд британских социологов, в том числе на М.Арчер и Э.Гидденса.

ва это они суть результаты предшествующих действий и практик, но в силу наличия собственных эмерджентных свойств и у агента это отношение можно рассматривать как системное — структурное — пред-обусловливание. Заметим, что с этим связана критика арчеровского аналитического дуализма. В частности, критики утверждают: если эмерджентные свойства являются онтологически существующими, то и говорить нужно не об аналитическом дуализме, а об онтологическом [14, с. 226–227].

Отдельно следует сопоставить концепцию эмерджентных свойств М.Арчер и принадлежащую П.Бурдьё концепцию репродукции. Если у Арчер процесс является непосредственным, то есть структурные эмерджентные свойства непосредственно обуславливают агентность (агентационные эмерджентные свойства), то у Бурдьё этот процесс опосредован габитусом. Габитус можно метафорически назвать “структурообразующей и структурированной структурой”; вместе с тем габитус неразрывно связан с практикой. Если мы попытаемся рассмотреть концепцию репродуцирования, предложенную Бурдьё, в терминах “цикла эмерджентностей” Арчер, то окажется, что практика из него исключена как самостоятельный участник и подвержена гораздо большему влиянию со стороны габитуса и структуры, нежели со своей стороны влияет на них. Уместнее говорить именно о влиянии габитуса на практику и об пред-обусловленности структуры и габитуса. Таким образом, концепция репродуцирования предполагает более выразительное структурное влияние на практику (опосредованное габитусом), а не просто пред-обусловливание.

Проанализируем каждый из типов эмерджентных свойств отдельно.

Так, *структурные* эмерджентные свойства “не могут быть редуцированы к людям и являются относительно продолжительными, как и все случаи “эмерджентности”, их можно специфицировать как обладающие внутренними и необходимыми связями, включающими материальные ресурсы, человеческие или физические, и, вместе с тем, как генерирующие каузальную силу, необходимую для самих связей” [3, с. 177]. Отсюда — структурные эмерджентные свойства принадлежат к области “материальных интересов, власти, ресурсов, групповых альянсов и антагонизмов” [3, с. 177].

К структурным эмерджентным свойствам можно отнести распределение ролей и ресурсов, социальную или классовую стратификацию в обществе, социальные системы и институты и т. п. Таким образом, структуру можно определить как “систему связей” между социальными позициями, предполагающую “пред-существование” ее как “генеративного механизма”, ее участие во “взаимодействии с другими объектами, имеющими каузальную власть и ответственность” в “стратифицированном мире”. Такое понимание структуры предполагает также недетерминированность, но объяснимость “результатов, являющихся следствиями такого взаимодействия”¹ [3, с. 105, 169].

Поскольку к культуре применяется такой же подход, как и к структуре, аналогичным образом выделяются культурные *эмерджентные* свойства. То есть речь идет о пред-существовании, автономности и продолжительности элементов культурной системы, “которые обеспечивают их идентифика-

¹ Х.Домингес, в частности, утверждает, что взгляды Арчер на структуру весьма близки к французскому структурализму, например к представлениям К.Леви-Строса, согласно которым структура понимается как “скрытый генеративный механизм” [см.: 14, с. 239/1].

цию как отдельных сущностей, отличающихся от содержаний и смыслов, носителями которых являются агенты в течение определенного времени” [3, с. 179]. То есть это различие опирается на признание доминирования логических связей между элементами культурной системы, тогда как между культурными агентами преобладают каузальные связи. Примером первых связей служит утверждение о созвучности и согласованности идей *А* и теории *Б*, тогда как вторые можно представить как влияние идей *А* на теорию *Б*.

Иными словами, логическая согласованность или несогласованность, характеризующая связи внутри культурной системы, относится к “миру идей”, или “содержанию библиотек” [3, с. 179]. Если в случае образования логических связей (согласованности или несогласованности) они оказываются внутренне и с необходимостью сочетающимися, то такие связи создают культурные эмерджентные свойства — идеи, теории, ценности, убеждения и т. п., а если четче — их формулировки в суждениях. Такие эмерджентные свойства являются объективными и находятся в автономных отношениях между собой. При этом они существуют независимо от мнения о них агентов, от того, думают о них последние или нет, независимо от чьего-либо намерения знать, иметь мнение о них или принадлежать к ним.

Вопросы каузальной согласованности или последовательности неразрывно связаны с вопросами власти и влияния и предполагают использование агентами разных техник — манипуляции, аргументирования, легитимации и т.п. Одним словом, каузальные связи (согласованность) содержат компонент агентности. Если вспомнить приведенное выше различие между такими аспектами, как культурная система (связи между компонентами культуры, то есть эмерджентными свойствами) и социально-культурная интеграция (связи между агентами культуры и их взаимодействие), то становится понятным, что каузальная согласованность относится именно к последнему аспекту. К измерению социально-культурного взаимодействия следует отнести и религиозный опыт, генерирование мифов, предрассудков, убеждений, вкусов, предпочтений и т. п. Все это существует за пределом логического, и существование его может как признаваться агентом, так и не признаваться (например, в случае манипулирования) или частично признаваться (например, в случае общественного мнения).

То есть эмерджентными культурными свойствами являются собственно только логические связи, только *суждения* теорий, верований, убеждений, ценностей и т.п., то, что образует культурную систему. Каузальные же связи принадлежат уже к измерению агента — социокультурному единству и взаимодействию. Конечно, если говорить о культуре как целостности, то ее нельзя редуцировать к какому-либо одному измерению, а значит, взаимодействие между этими измерениями подобно взаимодействию “структура–агент” и должно рассматриваться как таковое. Подробнее об этом речь пойдет в рамках рассмотрения морфогенеза культуры.

В завершение рассмотрим *агентационные* эмерджентные свойства, или *эмерджентные свойства людей*.

Признаками агента являются активность, рефлексивность, относительная автономность (от структуры), направленность, инновационность, интенциональность и креативность. Вместе с тем агент не рассматривается как наделенный способностью всеведения. М.Арчер одновременно порывает как с гуманистическим (здесь — Просветительским) взглядом на человека как на

“хозяйина природы”, так и с пониманием агента (человека, актора) как эпифеномена социальных сил или социально-культурных структур. Агент может как усиливать влияния культуры или структуры, так и противостоять им.

В целом в роли агентов могут выступать как индивиды, так и коллективы или группы индивидов, и даже predispositions или группы интересов.

Можно выделить два типа агентов — корпоративный и первичный, отличающиеся тем, в какой момент они “участвуют” в процессе морфогенеза. Так, все люди, как относящиеся к миру через материальную стратификационную систему, с необходимостью являются “первичными агентами” — представителями определенных групп интересов некоей коллективности. Понятие “корпоративный агент” предполагает активное участие и [пре]образование в отношениях коллективностей и определяется на основании причин “действовать так, а не иначе” [3, с. 130].

Принципиальным для Арчер является понимание человека как “стратифицированного”. На первом уровне находится человек как “природное существо”, формируемое биологическими “пред-социальными” чертами. Отношение к миру (например, грудного ребенка) является недифференцированным, основанным на биологических связях. Вместе с тем человеку на этом уровне присуща способность обучаться и развивать “смысл себя”, самосознание [3, с. 282–293]. Это самосознание является вторым уровнем, который с необходимостью включен в социальную жизнь, но сам по себе является пред-социальным, пролонгированным, автономным и каузально результативным. Однако его неправильно отождествлять с “концепцией себя”, или “представлением о себе”, являющимся социальным и довольно изменчивым [3, с. 126].

Говоря о развитии “самосознания”, необходимо подчеркнуть важность практики как таковой. “Самосознание исходит из наших встроенных в реальность практик, где встроенность необходимо относится к человеческим свойствам, не являющимся социальными по типу” [16, с. 13]. Таким образом, ударение на практике делает возникновение “самосознания” независимым от “вовлечения в общественный диалог”, не-социальным, но зависящим (в определенной мере) от места в мире как таковом, а не от общества или социальности.

Третьим уровнем (развития) человека (агента) является возникновение “персональной идентичности”. Она строится на основе взаимодействия с миром, с его природным, практическим и социальным порядком и предполагает сформированное “самосознание”. Это, собственно, то, что составляет нашу заботу в мире, что для нас важно. Наличие персональной идентичности предполагает постоянный внутренний диалог между “действующим “Я”, бывшим “Я–меня” и будущим “Вы”, ... в котором [диалоге] самость идентифицируется как “сущность-с-этими-конstellациями-интересов-и-забот” [16, с. 17].

Наконец, выделяется “социальная идентичность” — способность “выразить то, что является нашими интересами и затрагивает нас в социальных ролях” [17, с. 10]. Из данного определения следует, что концепт “социальной идентичности” является относительным, более того, она предполагает существование относительно автономных структуры и агента, формируется “на поверхности “структуры и агента” [17, с. 10].

Между персональной и социальной идентичностями существуют связи диалектического типа. Можно также различить “три момента взаимодейст-

вия”, кульминацией которых является такой синтез, что как персональная, так и социальная идентичность становятся эмерджентными и выделенными, вместе с тем помогая друг другу формировать данную эмерджентность и отдельность. На первом этапе персональная идентичность влияет на выбор возникающей социальной идентичности (например, будущей социальной роли). Последняя сразу начинает влиять на возникновение (и изменение) персональной идентичности, после чего наступает момент “синтеза персональной и социальной идентичностей в форме их постоянного взаимовлияния” [17, с. 13].

Морфогенез и его анализ

Выше были рассмотрены подходы М.Арчер к определению и пониманию структуры, агента и культуры, принципы применения аналитического дуализма, а также концепт “эмерджентности” и “эмерджентных свойств”. Чтобы получить целостное представление о теории Арчер и возможности ее дальнейшего развития и применения, следует рассмотреть собственно процесс морфогенеза и его специфику.

Морфогенез можно определить как процесс, в котором сложные взаимодействия не только ведут к изменениям в структуре системы, ее форме или состоянии (в противовес морфостазу), но также имеют конечным продуктом структурное развитие и создание нового [11, с. 458].

Теория морфогенеза делает ударение на существовании эмерджентных свойств социального взаимодействия, аналитически отделяемых от действия и взаимодействия, которые их продуцируют и которые, в свою очередь, возникнув, изменяют и пред-обуславливают взаимодействия.

Исходя из рассмотренных выше концепций, можно представить морфогенетический цикл в виде схемы [3, с. 193]:

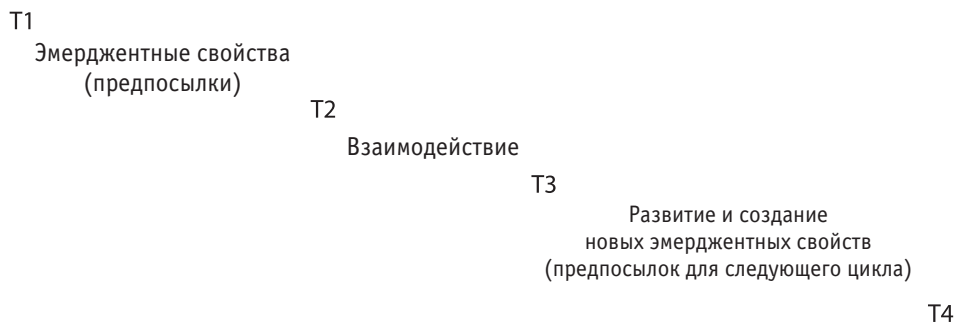

Рис. Морфогенетический цикл

Итак, в начале цикла (Т1) эмерджентные свойства, сформированные в прошлом, то есть предшествующие взаимодействию, выступают в виде “эмерджентных предпосылок” и обуславливают взаимодействие агентов. В процессе взаимодействия (Т2 — начало взаимодействия, Т3 — конец) агенты действуют как социальные акторы (то есть исполняют роли) в определенных условиях. При этом ответ агентов на существующие условия взаимодействия носит креативный характер, а ситуация оценивается относительно преследуемых интересов, имеющихся предпочтений и т.п. Наконец,

социальное взаимодействие имеет своими последствиями развитие, создание и совершенствование (Т3–Т4) эмерджентных свойств, которые для следующего цикла становятся предпосылками взаимодействия. То есть момент Т4 данного цикла будет моментом Т1 для нового цикла.

Отдельно следует сказать о специфике вовлеченности агента в такой цикл. Так, агент действует в условиях наличия ситуационной логики, формирующейся эмерджентными свойствами культуры и структуры, их комплементарным или отрицательным отношением. В подобной ситуации коллектив как первичный агент начинает реализовывать соответствующие интересы в процессе взаимодействия как уже корпоративный агент путем взвешивания и оценки материальных и идеальных интересов с использованием ситуационной логики четырех типов, являющихся контингентными/необходимыми и отрицательными/комплементарными: речь идет об элиминации или компромиссе, а также об обороне или оппортунизме [10, с. 79–84].

Как можно выделить три типа эмерджентных свойств (а значит, и предпосылок) — структурные, культурные и агентационные в рамках анализа соответственно структуры, культуры и агента, так же можно аналитически выделить три относительно автономных процесса в общем морфогенезе, которые при этом взаимодействуют друг с другом. Речь идет о морфогенезе структуры, культуры и агента.

Все три процесса постоянно осуществляются в обществе и всегда взаимосвязаны, поскольку “пересекаются в своем среднем элементе, так как все генеративные механизмы могут влиять только через людей” [3, с. 193]. Вместе с тем в силу относительной автономности эти процессы не обязательно должны быть синхронизированы”. Так, когда один находится в стадии морфогенеза, другой может находиться на этапе морфостаза” [3, с. 193]. Более того, фокусом теории является анализ взаимодействий и связей как внутри каждого из циклов, так и между циклами.

Подобно общей схеме процесса морфогенеза, в случае морфогенеза структуры структурные эмерджентные свойства (предпосылки) влияют на социальное взаимодействие, которое, в свою очередь, ведет к структурному развитию, созданию и совершенствованию, то есть к возникновению новых и трансформации имеющихся структурных эмерджентных свойств (или эмерджентных предпосылок для следующего цикла)¹. Таким же образом происходит и морфогенез культуры.

Стоит отметить, что М.Арчер приводит несколько примеров применения концепта морфогенеза культуры, например в рамках анализа парадигм классической социологии (Дюркгейма и Вебера) применительно к исследованиям культуры [подр. см.: 19, с. 96–114].

Наконец, третьей составляющей общего морфогенеза в обществе является морфогенез агента. “...В той же последовательности обусловленностей и взаимодействий, в какой агент воплощает социальную трансформацию, происходит и систематическая трансформация социального агента как такового... Агент задает структурное и культурное создание, развитие и совершенствование, но и сам претерпевает их в этом процессе” [20, с. 42].

¹ Здесь следует заметить, что некоторые исследователи считают объяснение взаимозависимости и связи между структурой и агентом, предложенное Арчер, недостаточно четким, неубедительным и неоднозначным [подр. критику см.: 18, с. 516–519].

Таким образом, можно говорить о морфогенезе агента. Более того, различение агента как первичного и как корпоративного позволяет выделить два типа агента на разных этапах морфогенеза.

Исходя из этого можно говорить о “*двойном морфогенезе*”, то есть процессе, “в котором создание и развитие как структуры, так и агента объединяются в процессе взаимодействия. Структура служит предпосылкой и результатом взаимодействия, тогда как агент формирует и трансформирует структуру, одновременно реформируя в этом процессе и себя” [20, с. 42].

Можно очертить следующую схему морфогенеза агента — социокультурные предпосылки группы (эмерджентные свойства группы) влияют на групповую интеракцию, которая, в свою очередь, ведет к групповому развитию, созданию и совершенствованию.

Кроме процесса морфогенеза агента Арчер описывает и “личностный” морфогенез. То есть “развитой эмерджентный человек постоянно пересматривает свои “Я”, “меня”, “мы” и “Вы”, являющиеся составляющими его собственного морфогенеза... и применяет свою автономную персональную власть (силу) для их воспроизводства или трансформации” [17, с. 15]. В этом процессе они активно вовлекаются как в собственное личностное развитие, так и в постоянное преобразование реальности (природной, практической и социальной). В итоге мы получаем такую модель процесса морфогенеза агента как личностного морфогенеза человека (он, как и предыдущие типы морфогенеза, является одной из составляющих общего морфогенеза в обществе): *обусловленное “Я–меня”*, или первичный агент, влияет на *интерактивное “Мы”*, или корпоративного агента, что ведет к [пре]образованиям “Вы” (персональной и социальной идентичностей).

Относительно всех рассмотренных моделей и общего процесса морфогенеза подчеркнем: поскольку взаимодействие эмерджентных свойств, структуры, агента и культуры происходит в историческом времени, где сформированные в прошлом условия пред-обуславливают (но не детерминируют) взаимодействие агентов в настоящем времени, результатом чего является изменение условий (которые в будущем снова будут служить предпосылками взаимодействия), нельзя говорить ни о проблематичности социальных изменений, ни об их якобы “флуктуационном характере”. Собственно, данный подход возможен только в рамках реалистичного взгляда на общество [подр. см. : 21, с. 194–199; 22; 23, с. 449–452].

Выводы

Арчер проводит аналитическое различие между структурой и агентностью, применяя принцип аналитического дуализма. Однако это позволяет ей не различать их онтологически, особенно если учитывать, что структура и агентность “действуют”, а значит, “существуют” на разных этапах процесса морфогенеза. Данный подход принципиально отличается от других попыток синтеза, в частности теорий Гидденса и Бурдьё, для которых основным является принцип дуальности. Так, Гидденс в принципе не различает агентность и структуру, и они сливаются в одну сущность, причем слияние это постулируется и как онтологическое, и как аналитическое. Бурдьё идет другим путем и, различая структуру и агентность (практики) как таковые аналитически и онтологически, вводит принципиально новую сущность —

габитус, имеющую характеристики как структуры, так и агентности, а значит, являющуюся проявлением их дуальности. С такой точки зрения подход Арчер можно назвать “срединным”, однако его основной проблемой является неопределенность границы между структурой и агентностью как аналитическими категориями и как онтологическими сущностями.

Согласно Арчер, именно процесс морфогенеза и есть “синтез” структуры и агентности, их сочетание и взаимодействие. Кратко описать цикл морфогенеза можно как влияние (но не детерминацию) ранее возникших структурных условий на действия агентов (и агентность), результатом чего является изменение структурных условий, и так далее. При этом данную схему Арчер рассматривает как свойственную едва ли не всем социальным процессам — от создания и трансформации социальности до создания и трансформации культуры, агентности, институций, личности и т. п. Заметим, что подобный подход к собственно “моменту синтеза” представляется более плодотворным для дальнейших исследований, нежели структурация Гидденса, которую можно описать как бесконечный процесс, постоянный поток действий и поступков, в котором очень трудно, если вообще возможно, зафиксировать те или иные отдельные моменты во времени, например для анализа социальных изменений или трансформаций.

Подчеркнем, что существование морфогенетической теории в том виде, которого придерживается М.Арчер, возможно исключительно в рамках критического реализма с его пониманием общества и мира вообще как стратифицированных, релятивных и не-редуцируемых. То же можно сказать и о теориях синтеза Гидденса, Бурдьё и других. А значит, можно утверждать, что синтезирование как таковое предполагает определение мира как стратифицированного, структурированного, релятивного и не-редуцируемого.

Аргументом в пользу теории Арчер в контексте анализа трансформирующегося общества служит акцент на эмерджентных свойствах всех участников социального процесса и взаимодействия и на их относительной независимости. Это позволяет методологически развести влияния и проявления агентности и структурных элементов в процессе трансформации, при этом не редуцируя их друг к другу. Таким образом, для современной украинской социологии теория Арчер может быть полезна прежде всего при изучении социальной адаптации человека к трансформирующимся социальным структурам и институтам, а также в процессе анализа таких социальных структур и институтов и их трансформаций.

Литература

1. *Archer M.S.* Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory. — Cambridge, 1996.
2. *King A.* Against Structure: A Critique of Morphogenetic Social Theory // *Sociological Review*. — 1999. — Vol. 47. — № 2. — P. 199–227.
3. *Archer M.* Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. — Cambridge, 1995.
4. *Giesen B.* Review Essay: Old Wine in New Bottles (Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. By Margaret Archer) // *American Journal of Sociology*. — 1997. — Vol. 103. — № 2 (September). — P. 461–463.
5. *Zeuner L.* Margaret Archer on Structural and Cultural Morphogenesis // *Acta Sociologica*. — 1999. — Vol. 42. — № 1. — P. 79–87.

6. *Archer M.* For Structure: Its Reality, Properties and Powers. A Reply to Antony King // *Sociological Review*. — 2000. — S.n. — P. 464–472.
7. *Archer M.* Social Integration and System Integration: Developing the Distinction // *Sociology*. — 1996. — Vol. 30. — № 4. — P. 679–699.
8. *Perkmann M.* Social Intergration and System Intergration: Reconsidering the Classical Distinction // *Sociology*. — 1998. — Vol. 32. — № 3 (August). — P. 491–507.
9. *Archer M.* The Myth of Cultural Integration // *British Journal of Sociology*. — 1985. — Vol. 36. — № 3 (September). — P. 333–353.
10. *Parker J.* Structuration. — London, 2000.
11. *Archer M.* Morphogenesis Versus Structuration: On Combining Structure and Action // *British Journal of Sociology*. — 1982. — Vol. 33. — № 4 (December). — P. 456–483.
12. *Lewis P.* Realism, Casuality and the Problem of Social Structure // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. — 2000. — Vol. 30. — № 3. — P. 249–268.
13. *Bhaskar R.* Scientific Realism and Human Emancipation. — L., 1986.
14. *Domingues J.M.* Social Integration, System Integration and Collective Subjectivity // *Sociology*. — 2000. — Vol. 34. — № 2. — P. 225–241.
15. *Archer M.* Being Human: the Problem of Agency. — Cambridge, 2000. — Ch. 1. — P. 17–50.
16. *Archer M.* Realism and the Problem of Agency // *Journal of Critical Realism*. — 2002. — Vol. 5. — № 1 (May). — P. 11–20.
17. *Archer M.* “Realism and the Problem of Mediation between Structure and Agency” (PDF), keynote speech, presented at the 5th Annual IACR Conference, held at Roskilde University, Denmark, Friday 17 to Sunday 19 August 2001. — WSCR Archive. — <<http://www.raggedclaws.com/criticalrealism>>.
18. *Healy K.* Conceptualising Constraint: Mouzelis, Archer and the Concept of Social Structure // *Sociology*. — 1998. — Vol. 32. — № 3 (August). — P. 509–522.
19. *Zeuner L.* Theory of Culture: Margaret Archer Versus Classical Sociology // *Cultural Dynamics*. — 2001. — Vol. 13. — № 1. — P. 92–116.
20. Цит. по: *Sztompka P.* Evolving Focus on Human Agency in Contemporary Social Theory // *Sztompka P.* (ed.). *Agency and Structure: Reorienting Social Theory*. — S.I., 1994. — Ch. 2. — P. 25–59.
21. *Archer M.* Introduction. Realism in the Social Sciences // *Archer M., Bhaskar R., Collier A., Lawson T., Morrier A.* (eds.). *Critical Realism. Essential Readings*. — L.; N. Y., S.a. — Ch. 7. — P. 189–203.
22. *Castro F.W.* Book Review: Berth Danemark, Mats Ekstroem, Liselotte Jakobsen, Jan Ch. Karlsson: *Explaining Society. Critical Realism in Social Sciences* // *Acta Sociologica*. — 2002. — Vol. 45. — № 3. — P. 246–250.
23. *Nash R.* What is Real and What is Realism in Sociology? // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. — 1999. — Vol. 29. — № 4. — P. 445–466.